

Сара Аллен

Дом с кошмарами

Москва
2025

УДК 821.111-93(94)
ББК 84(8Авс)-44
А50

Sarah Allen
THE NIGHTMARE HOUSE

Text copyright © Sarah Allen, 2023

This edition published by arrangement with The Deborah
Harris Agency and Synopsis Literary Agency.

Иллюстрация на обложке *Mileti*

Аллен, Сара.

А50 Дом с кошмарами / Сара Аллен ; [перевод с английского О. В. Галкиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-161392-1

Пенни было всего семь лет, когда пришел Творец Страха. Он явился на Хеллоуин, сделал девочку совсем другой Пенни и забрал ту, что не боялась темноты, чудовищ и глубины.

С тех пор она начала слышать монстров под кроватью, видеть людей с пустыми глазами и призраков. Раньше Пенни делилась всем, что с ней происходит, с бабушкой, но теперь... Все эти жуткие истории хранит блокнот с подсолнухами. И они происходят все чаще.

Творец Страха живет в зловещем доме с призраками, и Пенни придется войти туда, чтобы спасти тех, кого она любит.

УДК 821.111-93(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-161392-1

© Галкина О. В., перевод, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается К. С. Льюису,
ведь без его «Писем Баламута» я бы
не написала эту книгу.

И всем, кому знаком Страх.
Вы намного сильнее, чем вам кажется.

*«Но, как ты говоришь, для здоровья очень
важно работать в саду и видеть,
как растут цветы».*

Винсент Ван Гог

*«Монстры реальны. Они живут внутри нас
и порой побеждают».*

Стивен Кинг

Подсолнухи

Сегодня я видела человека с пустыми глазами. Сперва я решила, что это игра света или, может быть, мне просто показалось. Я посмотрела ещё раз, но уже внимательнее. Пустые глаза. У пекаря были абсолютно пустые глаза, словно их радужки лишились цвета, и эта бесцветность заполняла глазницы, превращая их в бездонные пещеры. Такое я видела только в ночных кошмарах. В кошмарах, которым не было конца.

Пекарь раскладывала буханки хлеба, протирала прилавки. Она повернулась ко мне, и я, невольно отвернувшись, крепко зажмурилась. Похоже, воображение сыграло со мной злую шутку.

Я сглотнула, а затем посмотрела в третий раз. Она не сводила с меня взгляда. В её глазах не было ничего, кроме пустоты. Мне казалось, будто кто-то дунул мне в спину ледяным ветром через соломинку и холодный воздух задевал позвонок за позвонком.

— Мама, ты тоже это видишь? — спросила я. — Ты видишь её глаза?

Мне хотелось убежать.

— Что с ними, милая? — ответила мама, взглянув на лицо пекаря, а затем снова на меня.

— Разве ты не видишь? — спросила я.

— Не вижу чего? — Казалось, мой вопрос сбил её с толку. — В чём дело?

Мама заплатила за кексы «Красный бархат», которые мы иногда берём с собой, когда навещаем бабушку. Мы вышли и отправились дальше, как будто ничего жуткого и странного не произошло, вообще ничего.

Два месяца назад бабушка подарила мне блокнот на кольцах перед тем, как переехать от нас в дом престарелых «Олимп». Она была единственной, кому я всегда рассказывала о своих жутких снах. О высоком человеке. Возвышающемся доме. Людях с пустыми глазами. Я спросила её, что мне делать после того, как она уедет. С кем я теперь буду говорить о том, что видела ночью? Она купила мне этот новенький, чистый блокнот и велела писать в нём о своих страхах. Превратить мои ночные кошмары и монстров в слова и стихотворения, потому что тогда, по её словам, хотя бы некоторые из них останутся за пределами моей головы. Теперь я вижу эти пустые глаза наяву. Не думаю, что бабушка имела в виду именно это.

Возможно, было бы легче убедить себя, что я ошибаюсь, что мой разум подшучивает надо мной, если бы я не видела пустые, бездушные глаза, точь-в-точь как у пекаря, уже очень много раз с тех пор, как мне стали сниться кошмары.

Дом с кошмарами

Бабушка попросила меня записывать сны. Она поэтесса и считает, что слова обладают силой. Она научила меня определять размер стихов, переносить строки и писать картины словами. Я записывала свои кошмары в виде стихотворных строчек, как говорила бабушка, и, может быть, если я продолжу вести записи, мой блокнот поможет мне разобраться в тех ужасных вещах, что со мной происходят. Мама не видела пустых глаз. В пекарне были только мы: я, мама и пекарь, сверлившая меня взглядом сквозь белую пустоту. Пожалуй, бабушка была права, и с помощью записей я сумею понять, правда ли, что я постепенно теряю связь с реальностью, или нет. Если никто больше не заметит людей с пустыми глазами, то по крайней мере блокнот будет всё знать. Мой блокнот с подсолнухами с картины Ван Гога на обложке сохранит кошмары.

И, может быть, они наконец-то, наконец-то уйдут.

Так что дело за вами, подсолнухи.

Меня зовут Пенни Хоуп. Мне одиннадцать лет, и сегодня я увидела человека с пустыми, бесцветными, как бездна, глазами. И на этот раз это был не сон. Пожалуйста, помогите.

Обездушенные

Мне было семь лет в ту ночь, когда ко мне впервые пришёл Творец Страха.

Был канун Хеллоуина, и тогда я ещё не знала, кто он.

На моих пальцах осталась зелёная краска со вчерашнего дня, когда мы с мамой раскрашивали старую наволочку, чтобы сделать из неё мешок для сладостей. Расписные наволочки с завитушками на Хеллоуин, причудливые пряничные домики с мармеладными крышами на Рождество — всё это мы мастерили каждый год. Её пальцы тоже были испачканы в краске.

До той ночи Хеллоуина я была совсем другой Пенни.

Пенни, которая могла кататься на велосипеде, не боясь упасть.

Пенни, которая забегала в озеро, не думая о том, что её могут утащить на дно склизкие, чешуйчатые существа.

Той Пенни, которая в младенчестве сбежала из своей кровати, которая умела найти нужные слова, чтобы завести друзей в первый же день

учёбы; Пенни, которую мама называла упёртой как бык. Последнее я запомнила потому, что, когда она это сказала, я зашла в ванную, чтобы посмотреть в зеркало, не выросли ли у меня рога.

До той ночи я была бесстрашной, упрямой Пенни. А потом наступил Хеллоуин.

Тогда я словно надела костюм прежней Пенни наизнанку.

Солнце уже давно зашло, и я наслаждалась светом уличных фонарей и радовалась, что мне разрешили не ложиться в кровать дольше обычного. Я всю ночь ходила по домам вместе с мамой и папой (в том году я была одета как ниндзя), и моя разрисованная наволочка была доверху наполнена шоколадными разноцветными конфетами, а я — радостным предвкушением.

Наконец пришло время ложиться спать.

Мама укрыла меня большим зелёным стёганным одеялом. Она убрала волосы с моего лба, выключила свет, и я уставилась на силуэт вентилятора, который всё вращался и вращался. Прямо как моя голова, одурманенная сладостями. Затем я услышала рокочущий звук.

Этот рокот доносился из-под моей кровати. Он был низким и тихим. Я чувствовала, как меня пробирает до костей. В этом звуке слились и шипение, и рычание; у меня по коже побежали мурашки, а в ушах было эхо. Казалось, рокот проникал ко мне в голову и колебался подо мной, как волны, увлекаемые подводным течением.

Но семилетняя Пенни не боялась монстров.

Семилетняя Пенни умела заводить друзей.

В слабом свете фонаря, пробивавшемся в окно, я выбралась из постели, тихонько прокралась в коридор и достала свою наволочку с конфетами из шкафа, где мама её припрятала. Потому что в тот момент для меня этот роко-чуший звук был ясным и означал лишь одно: монстр у меня под кроватью хотел есть.

Поэтому я вынула из мешка горсть конфет. Мы оставляли печенье для Санты, так почему бы не раздать хеллоуинские сладости монстрам под кроватью?

Опустившись на колени с конфетой в руке, я заглянула в щель. В полумраке и тусклом свете я мало что могла увидеть, а когда протянула руку, то ничего не нащупала, кроме случайно завалившегося носка. Но отсутствие голодных монстров под кроватью меня не остановило. Я читала и слышала множество историй о чудищах и других мифических существах, которые могут приходить и уходить, оставаясь невидимыми. В центре, прямо под кроватью, в пыльной темноте я оставила небольшую кучку сникерсов, твиксов и лакричных конфет. Я не была жадиной. А потом я вернулась в постель и крепко-крепко заснула.

Когда я проснулась, конфеты уже исчезли.

Вместо них было кое-что другое.

Под моей кроватью на том же самом месте, где я оставила горку конфет, лежало яблоко в карамели, аккуратно завёрнутое в золотую фоль-

гу. Тогда я восприняла это как непринуждённый обмен подарками. Я понимала, что нельзя проболтаться маме, иначе яблоко у меня отнимут. Она бы наверняка сказала: «Никаких сладостей на завтрак». Я не хотела задевать чувства моего монстра.

Поэтому я развернула обёртку с угощением. Я откусила большой кусок, старательно прожёвывая густую карамель. Я даже поблагодарила монстра вслух. Сахарная глазурь оказалась приторно-сладкой. А само яблоко было мягким, рыхлым, с коричневыми пятнышками. Кислый сок стекал по моему подбородку. Но чтобы не обидеть монстра, я съела лакомство, которое он принёс для меня.

И случайно проглотила одно из маленьких овальных зёрнышек.

От подарка монстра мне не было плохо. Точнее, вместо тошноты и боли в животе у меня появилось странное чувство, словно это яблоко попало мне в голову.

Внезапно мои мысли начали путаться, вертеться и переворачиваться с ног на голову, как будто мой мозг подпрыгивал на американских горках. Так продолжалось всё утро. Иногда мне даже казалось, что мои лёгкие тоже участвуют в этом аттракционе, и я не могла как следует вдохнуть. Всё вокруг выглядело немного иначе — как трава, деревья и лица людей, меняющие свой облик, когда большая серая туча закрывает солнце. Только на этот раз туча находилась внутри меня. Целый день я моргала, чувствуя, как сохнут глаза, и наконец поняла, что смотрю в одну точку. Не на

что-то конкретное, но словно какая-то необузданная внутренняя сила заставляла меня смотреть на небо в предчувствии урагана.

Я помню, как в тот вечер мама спросила меня, что я буду на ужин, но я не смогла вспомнить, что мне нравится из еды. Мне не приходило на ум ничего вкусного, что я когда-либо пробовала.

После этого я стала совсем другой Пенни.

Пенни, которая впустила в дом Творца Страха.

Я узнала его имя из своих кошмарных снов.

Вот тогда-то они и начались, мои кошмары. Их нельзя сравнить ни с одним из снов, которые я видела раньше. В этих кошмарах ко мне всегда являлся высокий человек, наводящий Страх. В этих кошмарах я видела пустые глаза и дом в лесу, который начал строить Творец Страха. Этот ужас я чувствовала до глубины души. И чувствую до сих пор.

Сюжеты снов меняются, но в конце всегда приходит Творец Страха. В ночных кошмарах я играю на улице, папа раскачивает меня на качелях. Или я еду с мамой на машине, и мы слушаем нашу любимую песню из бродвейского мюзикла. Мы вместе поём и хохочем. До поры до времени.

А затем за мной приходит Творец Страха. Он всегда находит меня. Он появляется как внезапный шторм, как стая саранчи. Сначала я не вижу его, но знаю, что он здесь, воплощение ужаса, притаившееся во мраке. Затем я действительно вижу его, совсем близко: у него землянистая кожа и красные глаза, которые све-

тятся как угли. А его улыбка такая широкая, он так оглушительно хохочет, когда тянет руку к горлу мамы или папы, вытягивая через рот их души, всю их сущность. После этого он ускользает прочь, унося души с собой, и его смех разносится гулким эхом.

А потом сон становится ещё страшнее.

Потому что когда мама или папа смотрят на меня, это больше не они. Вернее, это всего лишь их оболочка, смотрящая на меня пустыми, бесцветными глазами.

Мне хочется закричать. Я пытаюсь позвать на помощь. Но куда бы я ни шла, к кому бы ни подбежала, все они оборачиваются и смотрят на меня всё теми же пустыми глазами.

И тогда я просыпаюсь и слышу, как его смех все ещё звучит у меня в ушах. Вот тогда-то я и бежала в комнату бабушки, и она читала мне стихи, укутывая меня одеялом в промежутках между словами.

Только сегодня я увидела пустые, обездушенные глаза наяву. На этот раз пустота проникла из моих кошмаров в реальный мир.

Как будто Творец Страха годами ждал этого с той самой ночи Хеллоуина. Ждал, становясь всё больше, больше, больше, как будто с каждым днём, пока я расту, он растёт вместе со мной. Растёт до тех пор, пока не станет настолько сильным, чтобы выбраться за пределы снов и войти в реальную жизнь.

Я не знаю, как очнуться от этого кошмара.

